

ТРИ РУКОПОЖАТИЯ ДО РОССИНИ

(К столетию со дня рождения профессора А. П. ЗДАНОВИЧА)

14 октября 2002 года Ростовская консерватория им. С. В. Рахманинова отметила столетие со дня рождения Александра Павловича Здановича, видного педагога-вокалиста, основателя и первого заведующего кафедрой сольного пения. Утром прошел Круглый стол, где своими воспоминаниями делились педагоги консерватории, потом желающие посетили ухоженное место последнего упокоения метра, вечером состоялся концерт, в котором приняли участие выпускники А. П. Здановича, солисты Ростовского музыкального театра, студенты вокального факультета. Накануне, на Малой сцене театра дала сольный концерт его воспитанница – солистка Национальной оперы Украины, народная артистка республики Светлана Добронравова, специально для этого приехавшая из Киева.

Цель этих заметок – воссоздать, насколько это возможно сегодня, жизненный и творческий путь А. П. Здановича, дабы сохранить его для истории. Материалами послужили мне канцелярское Дело, хранящееся в архиве консерватории, и уцелевшая часть его личного архива, в том числе неоконченная рукопись «Записки певца» – исписанные от руки, шариковой ручкой, синей и черной пастой, шестнадцать из восемнадцати листов школьной тетради в клетку. Этот автобиографический текст, охватывающий только период детства и юности, создавался в 1977 году. При цитировании документов правописание везде приведено в соответствие с современными нормами.

Почерпнутые из документов факты буду комментировать исходя из разного рода общеисторических сведений, соотнося эти факты с сохранившимся в памяти образом Александра Павловича. В начале 70-х годов я учился в специальном классе профессора кафедры истории музыки Лии Яковлевны Хинчин, жены Здановича, часто бывал у них в квартире в престижном тогда доме на ул. Пушкинской, 192/198, и хорошо помню этого гостеприимного, напрочь лишеного профессорской значительности человека. Выше среднего роста, с гладко зачесанными назад мягкими седыми волосами, добродушный, сыплющий шутками, любитель мирских радостей, он являл собой великолепную «диалектическую пару» по отношению к жене, моей незабвенной наставнице, с ее взрывным, непредсказуемым нравом.

Кто-то из великих исчислял историческое время такой странной, на первый взгляд, единицей измерения как рукопожатие. К примеру, автор этих строк мог бы сказать: «От меня до В. В. Стасова всего три рукопожатия: я учился у Л. Я. Хинчин, она консультировалась у Б. В. Асафьева, а тот встречался со Стасовым, другом Мусоргского и Балакирева». Так вот, героя моего маленького повествования, рожденного

на Дальнем Востоке и никогда не пересекавшего государственной границы ни Российской империи, ни СССР, такое же число рукопожатий – всего-навсего три – отделяет от... Гуно и Россини.

Александр Зданович появился на свет 19 сентября (по новому стилю) 1902 на станции Вяземская Уссурийской железной дороги.

Попутно – любопытный штрих: на пятидесятом году Советской власти и на шестьдесят пятом – своем он укажет в автобиографии дату рождения – 6 сентября. Описка? На моей памяти с десятков шумных домашних торжеств по случаю дня рождения Александра Павловича – все они отмечались 19-го или в ближайшие выходные. Та же дата названа и в «Записках певца». Крепко, значит, засело в подсознании число, с которым свыкся в детстве.

На современной карте можно найти поселок Вяземский, расположенный на железнодорожной трассе Владивосток – Хабаровск, километрах в 130 от последнего, недалеко от китайской границы. Наверное, это и есть малая родина Здановича. Отец его, Павел Иванович, мобилизованный в армию в конце XIX века из Харькова, отслужив положенный срок в железнодорожном батальоне, остался работать в том же ведомстве машинистом водокачки. Мать Пелагея Сидоровна, в девичестве Савчук, тоже родом из Украины, попала с семьей в эти края в русле государственной кампании, направленной на заселение Сибири и Дальнего Востока.

Певческий голос Александр унаследовал от матери, интерес к механике и рыбной ловле – от отца, а любовь к природе пришли сами собой – от врожденной склонности, от богатейшей флоры и фауны Приморья, которой он был покорен на всю жизнь, а также от... недостатка родительского внимания: вслед за первенцем в семье родилось еще трое детей. С музыкой, если не считать пения матери, он в детстве не соприкасался совершенно, общение же с природой повлияло на формирование характера, по самохарактеристике – «свободолюбивого, доверчивого и до некоторой степени наивного... спокойного, мягкого, всегда охваченного лиризмом и поэтическим настроением».

Столь точная и объективная самооценка свидетельствует и о склонности к наблюдению и анализу, ставшей впоследствии предпосылкой к успешной научной деятельности.

По роду службы отца Здановичи часто меняли место жительства: станции Дормидонтовка, потом Евгеньевка, где мальчик учился в начальной школе, село Спасское (ныне Спасск-Дальний), где окончил восьмиклассную смешанную гимназию. Все это – на той же Уссурийской дороге, но теперь ближе к Владивостоку, у озера Ханка. Подростком Александр мечтал быть летчиком: при Спасском гарнизоне действовала авиашкола; лежа на краю взлетного поля, он с товарищами наблюдал, как уходят в небо, носятся в воздухе и изящно приземляются тогдашние примитивные самолеты. Слово «изящный» принадлежит моему герою: эмоциональное, эстетическое отношение к технике – его отличительная

черта. Автобиографические записки Здановича обрываются рассказом о том, как семнадцатилетний выпускник гимназии идет к начальнику школы проситься «хотя бы курсантом в моторный класс», где готовят авиамехаников.

Очевидно, сбыться этим планам помешал призыв в армию – идет 1919 год. Два года он – курсант радиошколы в Томске, за тысячи километров от родных мест. В армии он проведет несколько лет (служит в Якутске, потом снова в Томске), приобретенная там специальность пригодится в гражданской жизни, а интерес к радиотехнике он сохранит до конца своих дней.

Демобилизуется Александр Павлович в 1924 году; в документах указывает: «с должности помнач. радиостанции 3-го радиобатальона Сибири»; очевидно, должностью гордился. После чего «был командирован Д<аль>Бюро ЦК РКП (б) в Москву для обучения пению». Он еще беспартийный, вступит в партию после войны, но обкомы и крайкомы уже решают и эти вопросы: с 1922 года вузы страны принимают на учебу молодых людей, рекомендованных партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями. Основанием для «командирования» явилось активное участие молодого военного радиста в армейской самодеятельности. Можно не сомневаться: красивый, статный, веселый парень был душой концертов и товарищеских компаний. О том, что был натурой энергичной, свидетельствует и избрание двадцатилетнего «помнач. радиостанции» в состав Якутского горсовета. (Еще раз он поучаствует в работе выборных органов в Ленинграде, в студенческие годы, будучи депутатом Петрорайсовета).

«Командирование» имело свою историю. Хабаровская газета «Рабочий путь» публикует заметку по случаю открытия клуба при ДБ ВЦСПС. Касясь концертного отделения торжества, журналист отмечает особо «экспромтное выступление демобилизованного красноармейца из Спасска тов. Ждановича [так в тексте. – А. С.]».

Своим на редкость сильным, чистым голосом (тенор) он буквально покорила аудиторию. Исполненные им несколько вещей вызвали бурю оваций и восторгов. Несмолкаемые аплодисменты заставили т. Ждановича выступить 4 раза.

В результате выступления аудитория единодушно постановила отправить т. Ждановича в Москву в консерваторию, где бы этот самородок мог развиваться и встать в первые ряды певцов-артистов.

– Это будущий Собинов, – замечает кто-то из сидящих. Действительно, голос редкий, и при надлежащей технической отшлифовке он быстро выдвинется на первые места»¹.

Затем последовала экспертиза. Некто М. Пионтковская, преподавательница пения в Хабаровске, дает письменное заключение: «Тов. Зданович обладает исключительным по красоте тембра, силе и

¹ Б. п. Открытие Межсоюзного клуба // Рабочий путь, 06.11.24.

объему голосом, который при нормальной работе может дать массам блестящего артиста. Считаю крайне необходимым отправку его в одну из центральных государственных консерваторий, куда он несомненно будет принят без всяких затруднений».

Наконец, следует решение партийного бюро (привожу короткий протокол почти целиком):

«Заслушав пение товарища Здановича, находим:

1) Товарищ Зданович обладает действительно редким по красоте тембра, мощности и размеру диапазона голосом – вернее всего баритоном; можно с уверенностью сказать, что такие голоса... встречаются очень редко.

Оценивая его, нужно учесть то, что до сих пор на его голос никто не обращал внимания: он пел как запевала роты и участник клубных концертов, в любую погоду, в любых условиях.

2) Далеко выходящая за пределы заурядности музыкальность тов. Здановича характеризуется точным воспроизведением им и передачей чрезвычайно сложных музыкальных произведений без знания нот и каких-либо технических приемов, исключительно по восприятию их с граммофона.

3) ...По заключению компетентных лиц, голос товарища Здановича оказался от природы поставленным».

В заключение указывается, что для «художественной и технической обработки голоса, а также общего и музыкального образования» ему следует учиться в Москве.

Полгода Зданович учится в Московской консерватории, год – в ГИТИСе, который как раз в это время был «разжалован» из вуза в «техникум повышенного типа» (ЦТТИС) и имел в своем составе, наряду с драматическим и клубно-просветительским, еще и музыкально-драматическое отделение, готовившее оперных певцов. Болезнь горла вынуждает его оставить учебу. Он едет в Одессу (ему рекомендованы смена климата и лечение), где работает уполномоченным акционерного общества «Радиопередача» при Совнарком. Последние годы нэпа, смешение эпох (дозволенные элементы рыночной экономики под надзором Совета народных комиссаров), Одесса с ее особым колоритом, который мы представляем себе по многочисленным фильмам, по прозе Бабеля, Катаева, Ильфа и Петрова... Впечатления у молодого человека, росшего в Приморье и Сибири, должны были остаться неизгладимые.

Однако желание петь не покидает Здановича. В 1928 году он поступает на подготовительное отделение Ленинградской консерватории, а с 1929 по 1936 (почему-то целых семь лет) является ее студентом. По результатам приемных испытаний комиссия, в состав которой входят профессора А. В. Оссовский и К. Н. Дорлиак, дает следующий отзыв: «Выдающийся материал (по-видимому, драматический тенор). Чувствуется врожденная музыкальная и художественная одаренность. Исполнение, несмотря на отсутствие подготовки, выразительное. Никакой

подготовки». Как явствует из документов, знатоки затрудняются с определением типа голоса Здановича: тенор? драматический тенор? баритон? Трудности эти объективные – по словам самого Александра Павловича, он свободно брал нижнее басовое «соль» и верхнее теноровое «до». Несомненно, феномен собственного голоса побудил Здановича много лет спустя к научному осмыслению этой проблемы.

Несколько слов о творческой родословной Здановича. Некоторое время он учится у профессора И. С. Томарса (одновременно с Георгием Нэлеппом), затем – у профессора Л. М. Образцова (сценический псевдоним, настоящая фамилия – Шапфирин). Лев Михайлович тогда только начал преподавать в консерватории. Ему было 54 года, певческую карьеру он к той поре давно завершил. В молодости Образцов пел в оперных театрах ряда российских городов, а также в Мариинском. Его лучшие партии – те же, в которых будет потом выступать Зданович: Онегин, Фигаро (Россини), Валентин. Среди его партнеров по сцене был и Шаляпин. Из класса Образцова вышли многие известные певцы, в том числе Надежда Вельтер. У него брал уроки Митрофан Пятницкий – создатель знаменитого Русского народного хора, который с 1927 года носит его имя. Современник характеризовал Образцова как обладателя небольшого, но мягкого звука, совершенно ровного во всех регистрах, прекрасного дыхания и высокой сценической культуры².

В свое время наставник Здановича, тоже баритон, окончил Петербургскую консерваторию, по классу Камилло Эверарди, француза по происхождению (настоящая фамилия Эврар, во французском начертании Everard), который учился у себя на родине и в Италии, пел на оперных сценах крупнейших городов мира. Партию Фигаро ему довелось проходить с Россини, а Мефистофеля – с Гуно; композитор написал ее в расчете на голос Эверарди. Позднее он был солистом итальянской оперной труппы Петербургских театров. Мастер бельканто, он считается одним из основателей Петербургской вокальной школы; у него учились М. Дейша-Сионицкая и Ф. Стравинский, отец композитора.

Удивительные изгибы вычерчивает порой судьба, диковинные «придумывает» совпадения, которые, будь они плодом воображения романиста, могли бы показаться искусственными. В начале века Лев Михайлович работал в Ростове, преподавал в музыкальном училище, возглавляемом тогда его создателем М. Пресманом, соучеником и другом Рахманинова, затем в 20-е годы – в Ростовской консерватории³. Вполне возможно, что где-нибудь в архивах таятся и ждут своего часа документы, связанные с работой певца и педагога в нашем городе.

Н. Вельтер, занимавшаяся с ним в Ростове в середине 20-х годов, вспоминает: «Он передразнивал ученика, утрируя его ошибки, сопровождая его демонстрацию уродливыми гримасами, а затем уже

² Боголюбов Н. 60 лет в оперном театре. М., 1967, с. 53.

³ Гировский Е. Донская консерватория (Воспоминания) // Культура донского края. Страницы истории. Сб. науч. тр. Ростов н/Д, 1993, с. 100, 105.

показывал, как надо петь правильно... Первое время манера преподавания Образцова раздражала меня. Я злилась, упрячилась, спорила. Но дома брала в руки зеркало и убеждалась, что именно так противно оттопыриваю губы... Со временем я стала замечать, что на моих занятиях у Образцова гримас становится меньше и они делаются менее уродливыми... Тогда я оценила столь неприятный, но весьма результативный метод»⁴.

Автору этих строк доводилось присутствовать на уроках Здановича, где такое передразнивание использовалось довольно широко, и воздействие на студентов имело самое положительное. Не помню случая, чтобы кто-то из студентов на него обиделся.

Серьезное влияние на творческое становление певца оказали также педагог по классу камерного пения выдающийся музыкант профессор Михаил Алексеевич Бихтер (он аккомпанировал Н. И. Забеле-Врубель, Ф. И. Шаляпину, И. А. Алчевскому) и замечательный русский певец Иван Васильевич Ершов, непревзойденный русский «вагнеровский тенор», который руководил в те годы созданной им Оперной студией Ленинградской консерватории и с которым молодой артист готовил свои первые оперные партии.

Сценическую жизнь Зданович начал не слишком рано, в 34 года, и длилась она не слишком долго – полтора десятилетия: солист Ленинградского театра Музыкальной комедии (1936-1940, 1946-1947), Куйбышевского оперного (1940-1946), Музыкальной комедии в Киеве (1947-1950). Как видим, годы войны певец проработал в городе, куда было переведено правительство страны, многие культурные учреждения. Концертно-театральная жизнь Куйбышева тех лет отличалась редкой интенсивностью, – достаточно вспомнить только о премьере Седьмой («Ленинградской») симфонии Шостаковича. В городе до сих пор, на правах своеобразного закрытого музея, сохраняется «бункер Сталина», приготовленный на случай, если бы вождь пожелал эвакуироваться из Москвы (этого, как известно, не произошло). Моему коллеге, профессору А. М. Цукеру довелось побывать в этом уникальном сооружении, уходящем под землю на десятки метров, с лифтами, мощной системой жизнеобеспечения, с помещениями, буквально, вплоть до мелочей, воспроизводящими кремлевские апартаменты Хозяина. В одном из них хранятся афиши тех лет, на которых можно прочесть и фамилию исполнителя баритоновых партий А. Здановича: помимо названных выше, это Грязной («Царская невеста»), Мизгирь («Снегурочка»), Томский («Пиковая дама»), Каленик («Майская ночь»), Эскамильо («Кармен»), Жермон («Травиата»), Тонио («Паяцы»).

С. Штейн, в те куйбышевские годы еще почти мальчик, а впоследствии известный режиссер, народный артист Белоруссии, поздравляя Здановича с 75-летием, писал: «Перед моими глазами до сих пор – высокий, стройный артист, всегда подтянутый, с гордо

⁴ Вельтер Н. Об оперном театре и о себе. Л., 1984, с. 20.

победоносной осанкой, сверкающий особой мужественной красотой... артист яркого темперамента, с летящим свободно над любой плотностью оркестра голосом... Самобытный, праздничный, почти ликующий талант».

В Киеве он познакомился и навсегда связал свою судьбу с Л. Я. Хинчин. Она переживала тогда тяжелейший период жизни: в 1949 году, в разгар кампании разоблачения «безродных космополитов» и борьбы с «низкопоклонством перед Западом» ее изгнали из консерватории, где она преподавала и вела научную деятельность (уже была издана на украинском языке ее книга о Чайковском, высоко оцененная Б. Асафьевым). Думаю, что не только неотразимая мужская привлекательность определила выбор Лии Яковлевны. И тогда, и позднее ей были необходимы характерные свойства натуры Здановича – природный оптимизм, неиссякаемое душевное здоровье, которых она была начисто лишена. В то же время Александр Павлович, человек эмоциональный и непосредственный, должен был испытать благотворное воздействие своей «половины», наделенной глубоким интеллектом и научным складом ума (что несколько не мешало ей оставаться женщиной во всех мыслимых проявлениях).

Со стороны вполне благополучного артиста с безукоризненной анкетой (ни тебе сомнительного социального происхождения, ни ущербной «пятой графы») женитьба на отверженной была, безусловно, актом гражданского мужества.

С 1950 года он переходит на преподавательскую работу, которая будет продолжаться более тридцати лет, почти до самой его кончины. Ритм переездов из города в город замедляется: 1950–1958 – Саратовская консерватория, 1958–1967 – Новосибирская, 1967 – 1982 Ростовский государственный музыкально-педагогический институт (так до 1992 года назывался наш вуз).

Через три года после начала преподавательской деятельности Зданович защищает – в родной Ленинградской консерватории – кандидатскую диссертацию «Вопросы воспитания певца и его голоса». Завидно короткие сроки! Еще через четыре года, в 1957, его утверждают в ученое звание доцента. Путь к профессуре (1977) будет более долгим, это произойдет уже в Ростове.

Первый значительный успех на педагогическом поприще ждал Александра Павловича в 1960 году, когда на I Всесоюзном конкурсе вокалистов им. М. И. Глинки Борис Мазун получил диплом, а двое других воспитанников прошли во второй тур. Следующим годом датирован письменный отзыв Д. Д. Шостаковича, высоко оценившего выступление нескольких студентов класса Здановича, которых он слышал, будучи в Новосибирске. Светокопия отзыва с характерным летящим наискосок росчерком великого композитора подшита в личном деле Александра Павловича.

В 60-70-е годы он публикует книгу «Вопросы вокальной методики» (М., 1965), завершает и представляет, опять-таки в Ленинградскую консерваторию, докторскую диссертацию «Развитие вокально-

технических навыков», которая по разным причинам не была защищена. Из-под его пера выходит ряд статей, возникших на стыке методики преподавания вокала с психологией и физиологией. Тогда эта область научно-педагогической мысли была фактически «целинной». Кроме того, Зданович разработал оригинальный способ классификации певческих голосов. Вопрос этот исключительно важен в повседневной педагогической практике. Молодой, непоставленный голос не всегда позволяет распознать в первокурснице будущее сопрано или меццо-сопрано. Между тем, «воспитывать» эти голоса следует по-разному. От правильного определения типа голоса зависит, без преувеличения, судьба певца. Зданович обладал подлинной виртуозностью в диагностировании такого рода. Иногда смело «переводил» студента, к примеру, из теноров в баритоны или наоборот. Огромный профессиональный опыт певца и педагога, тонкое чутье и опора на данные науки позволяли ему творить чудеса.

По-видимому, самым счастливым периодом педагогической работы Здановича был ростовский. В составе когорты профессорско-первопроходцев, отцов-основателей вуза он был зачислен на работу в августе 1967 года. Образованная и возглавляемая им кафедра сольного пения сразу же стала одной из самых заметных в институте. Особенно ярко заблистал с первых же лет класс профессора Здановича. Насколько я помню, концерты класса проходили не реже раза в семестр и неизменно собирали публики столько, сколько мог вместить наш Малый зал (большого зала в консерватории как не было, так и нет). Или – чуть больше, чем помещалось. Уже тогда было ясно, что плеяда воспитанников Здановича начала 70-х годов – будущие звезды оперной сцены. Имена Александра Басалаева, Николая Майборода, Александра Ненадовского, Валентина Мостицкого, Алексея Субботина, знал, кажется, весь город.

Отношение его к студентам было трепетное, поистине отеческое. Занятия шли не только в институте, но и дома. (В том же режиме работала и Л. Я. Хинчин, поэтому нередко студенты, музыковед и вокалист, встречались у входных дверей, чтобы потом разойтись, каждый со своим «шефом», по разным кабинетам квартиры, разделенным большой гостиной). Студенты в этом доме не только подкармливались, но могли получить и кров, если в таковом возникала экстренная необходимость. Когда пятикурснику приходило время ехать в другой город, чтобы «прослушаться» в театре или филармонии, авиа- или железнодорожные билеты, а то и костюм приобретались порой за счет средств профессора, не говоря уж о таких мелочах как многочисленные междугородные телефонные звонки и тому подобное.

Его письменный стол всегда был завален рукописными нотными листами: это Александр Павлович лично транспонировал арию или романс, если таковые были написаны композиторами в тональности, неудобной для его питомцев.

Ученики платили ему той же монетой. Они его нежно любили, обожали и помогали, чем могли. Величали они его, в глаза и за глаза, ласково-уважительно и по-домашнему – «Дедом». Среди вокалистов преобладали сильные, мастеровитые парни, так что в семье Здановича проблем с перетаскиванием тяжестей и иными хозяйственными работами не возникало. Когда через много лет мы, группа тех, кто был студентами в конце 60-х – начале 70-х годов, оказались в этой квартире, где давно уже живут другие люди, Валя Мостицкий, указывая на линолеум, бормотал: «Это ж я делал, это ж я стелил... А этот столик (кивок на лоджию) – Сашка Ненадовский...». В его глазах блестели слезы.

Дружить Александр Павлович тоже умел. В 1977 году, на торжественном вечере, посвященном его 75-летию, выступали не только ученики разных поколений, но и давний друг – народный артист СССР, в течение тридцати лет солист Большого театра, потом художественный руководитель Оперной студии Московской консерватории – Алексей Иванов.

Во второй половине 70-х годов Александр Павлович перенес инфаркт, вышел на пенсию, но остался профессором-консультантом созданной им кафедры. Последние годы ему продлила Лия Яковлевна – своей неусыпной, временами даже несколько деспотической заботой. Скончался он 24 июня 1982 года, не дожив трех месяцев до 80-летия.

На двери одной из консерваторских аудиторий, где он проработал пятнадцать лет, укреплена мемориальная доска: «Класс имени профессора Александра Павловича Здановича».

Среди его выпускников – заслуженные и народные артисты России и Украины, лауреаты и дипломанты солидных конкурсов, солисты оперных театров бывшего СССР, включая Большой и Мариинский, артисты филармоний, педагоги консерваторий и музыкальных училищ. У них давно свои ученики, а у тех – свои. «Дети» и «внуки» Александра Павловича.

От них до Россини и Гуно каких-нибудь четыре-пять рукопожатий.

Сибирский музыкальный альманах–2002. Новосибирск, НГК им. М. И. Глинки, 2004.